

Борис Иванович Колоницкий

ГЕНЕАЛОГИЯ «ВОЖДЯ НАРОДА»:

ОБРАЗЫ ЛИДЕРОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

На партийном съезде оратор призывает объединиться вокруг «дорогого вождя», а восторженные депутаты приветствуют это заявление «бурными аплодисментами», перерастающими в «продолжительную овацию».

Речь идет не об описании форума советской эпохи; именно так 27 марта 1917 г. звучали некоторые речи на VII съезде конституционно-демократической партии. Князь Е.Н. Трубецкой, известный философ, в своем выступлении прославлял П.Н. Милюкова: «Когда мы видим у дверей врага, когда мы видим у дверей анархию, вот тогда-то мы и объединяемся. В единой национальной мысли, в едином национальном чувстве объединяемся вокруг тех национальных вождей, которые служат выразителями этой мысли. Вот, господа, причина, вот истолкование тех аплодисментов, которые слышал дорогой Павел Николаевич. Господа, все на местах внимательно следили за шагами этого доблестного вождя партии народной свободы. Мы не могли усмотреть в них ни единой ошибки...» В своей речи Трубецкой еще несколько раз назвал Милюкова «вождем» и «знаменосцем». Приветствие в адрес партийного лидера было встречено «бурными аплодисментами», которые переросли в «продолжительную овацию»¹. Вряд ли партию кадетов можно назвать «вождистской», но стиль подобных приветствий не вызывал возражений, а партийная пресса описывала поддержку вождя именно так.

Прославление «своих» вождей было присуще и другим партиям. В мае 1917 г. в газете интернационалистов была опубликована статья А.А. Богданова, посвященная партийным лидерам². Известный философ, писатель, экономист, естествоиспытатель, врач хорошо знал политическую культуру социалистов: в 1905–1909 гг. он был одним из лидеров большевиков. Богданов отмечал, что в политических партиях большую роль играет «диктатура лидеров», представляющая «власть духовную», основанную «на свободной вере». Он предполагал, что в случае успеха партии в масштабах страны тип ее организации повлияет на складывающийся общественный и государственный строй:

«Каждая организация, когда ей удастся приобрести решающее влияние в общественной жизни и строительстве, неизбежно, независимо от формальных положений

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. М., 2000. С. 460. Ср. с. 672.

² *Богданов А.* Что же мы свергли? // Новая жизнь. 1917. 17 мая.

ее программы, стремится провести в обществе *свой собственный* тип строения, как непосредственно близкий и привычный: всякий социальный коллектив перестраивает, насколько может, всю социальную среду по своему образу и подобию. И если это — *авторитарный* тип, основанный на господстве—подчинении, хотя бы и духовном, то роковым образом отсюда получается авторитарная тенденция и в социальном строительстве, как бы ни была демократична, коммунистична и т. д. программа.

При подобной организации прогрессивная идеология не помешает установлению авторитарного режима. Автор ссылаясь на опыт прошлого: «Каждый, изучающий историю Великой Французской революции, конечно, поражался тем, как быстро и легко республиканцы, якобинцы превращались в преданных бонапартистов». Для российской демократии, «нетвердой политически и слабой культурно», авторитарная опасность представляла особую угрозу. Автор рассматривал «авторитарность» на примере большевиков, тенденции ее развития он считал «типичными».

Авторитарность развивалась и в других партиях, проявляясь в прославлении вождей. Богданов выделял культ Плеханова, подчеркивал он и склонность народников создавать культ вождей, объясняя это влиянием крестьянства, испытавшего «многовековое авторитарное воспитание». Свержение монархии не привело к уничтожению «авторитарности»: «То, что свергнуто политически, продолжает жить культурно...» Автор формулирует неотложную задачу: «Большинству наших социалистов по имени и программе надо еще стать хотя бы демократами по методам мышления. ...Культурная революция необходима». Свержение монархии было проведено силами, которые декларировали антиавторитарную идеологию, оставаясь носителями авторитарной политической культуры. Это создает условия для регенерации на новых идеологических основаниях авторитарной политической системы, в центре которой будет культ вождя. Взгляды Богданова кажутся провидческими, многие авторы описывали (и описывают) последующую историю России как приспособление идеологий к глубинным структурам политической культуры¹.

Статья вызвала отклик главной газеты социалистов-революционеров, ее автор не признавал, что народники изначально были предрасположены к «авторитарности», но вопрос о вождях он считал актуальным. Пафос статьи Богданова он разделял, а ее вывод о необходимости «культурной революции» поддерживал².

В настоящей работе я постараюсь рассмотреть культурно-политический контекст, в котором появилась статья Богданова. Для этого я изучаю те культурные формы, с помощью которых конструировался авторитет лидеров. Особое внимание я уделяю употреблению слова «вождь» и сопутствующих, а также заменяющих его слов. В качестве основных источников я использую информационные и пропагандистские материалы, а также политические резолюции³.

¹ Современные исследователи, например, указывают, что революция в империи, выстроенной на архаических принципах, не может свестись к простой смене политического режима, ибо в системе власти—подчинения слишком многое было связано с эмоциями, порождаемыми сакральностью фигуры царя. См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914—1917. М., 2015. С. 465.

² Печать и жизнь. Культурная революция // Дело народа. 1917. 18 мая.

³ При изучении политического сознания и в особенности при привлечении резолюций как источника я использую приемы, предложенные Г.Л. Соболевым (*Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973).

Изучение культурно-политических процессов важно для понимания феномена власти. Падение «старого режима» табуировало язык монархии, требовало новых слов, символов, ритуалов для обозначения властвующих. Речь шла и о наборе предписываемых эмоций, которые следовало проявлять. Следовало также обозначить границы самоцензуры (при отмене внешней цензуры): любую политическую культуру нельзя представить без сакрализации каких-то символов, текстов, субъектов политического процесса, что предполагает ограничения и запреты. Тема сакрализации имела особую нагрузку в 1917 г., ибо революция политическая переплеталась с революцией церковной, а революционное сознание порой было секулярной формой сознания религиозного. В этом гигантском, многослойном процессе культурного и политического творчества большую роль играли попытки выработки новых форм отношения к лидерам.

Слово «вождь» присутствовало в политическом языке дореволюционной России. Часто оно применялось по отношению к высшим военным руководителям, командующим разного ранга. Император именовался «державным вождем», а верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич — «верховным вождем». Культ верховного главнокомандующего должен был укреплять культ императора, но на деле он начал с ним конкурировать. Повышающийся политический статус «верховного вождя» стал одной из причин его смещения¹.

Вождами именовались и другие полководцы — главнокомандующие фронтами, командующие армиями. Применительно к военным администраторам высокого ранга этот термин нечасто употреблялся, например, военный министр не удостоивался, насколько можно судить, такого обращения.

В таком значении слово «вождь» употреблялось и после свержения монархии. Однако к «вождям» предъявлялись дополнительные требования. Социалистическая газета, например, подвергла сомнению право генерала М.В. Алексева быть настоящим «вождем русской революционной армии», ибо политические заявления полководца не давали ему на это права². Соответственно, некоторые военачальники для подтверждения своей лояльности использовали различные элементы революционной политической культуры, это укрепляло их статус «вождя».

Например, командующим Петроградским военным округом стал после свержения монархии генерал Л.Г. Корнилов³. Хотя генерал возглавил тыловой военный округ, а не фронтовое соединение, печать именовала его «вождем народной армии»⁴. Такая характеристика была невозможна до свержения монархии. Доказательством же «народности» вождя было его «простое» происхождение, манера поведения, умение говорить с солдатами.

После Апрельского кризиса Корнилов принял командование 8-й армией. Для укрепления авторитета он использовал революционную риторику, автор газеты военного ведомства описывал его как военачальника нового типа: «Яркий, как кристалл, приказ изумительного героя русской армии и революционного полководца зажег сердца вверенных ему бойцов». Накануне Июньского наступления Корнилов с красным знаменем в руках приветствовал Керенского, которого он именовал

¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

² С-ъ. Генерал Алексеев // Новая жизнь. 1917. 12 мая.

³ Новое время. 1917. 5 марта; Русский инвалид. 1917. 7 марта.

⁴ Вождь народной армии // Русский инвалид. 1917. 14 марта.

«народным вождем»¹. Когда Корнилов стал верховным главнокомандующим, его, соответственно, стали называть «верховным вождем». Когда же отношения между Керенским и Корниловым ухудшились, сторонники генерала использовали революционный стиль: «Генерал Корнилов не может быть смещен, поскольку является настоящим вождем народа», — заявил, например, Совет Союза казачьих войск². Подразумевалось, что «настоящий вождь народа» противопоставляется деятелям, которые безосновательно претендуют на этот статус. Когда Корнилов бросил вызов Временному правительству, председатель Главного комитета Союза офицеров требовал: «В такой критический момент власть должна принадлежать первому народному верховному вождю Корнилову, который должен остаться во главе армии»³.

Корнилов и некоторые другие вожди Белого движения приобрели известность уже в 1917 г., в это время складывался их авторитет «народных вождей», и он создавался с помощью таких риторических оборотов, символов и ритуалов, которые стали инструментами легитимации во время революции.

Термин «вождь» использовался и для характеристики лидеров партий. Иногда он употреблялся как нейтральный, в некоторых случаях противников могли называть вождями «мелкой буржуазии». Положительная же характеристика политика как «вождя» свидетельствовала о его особенном, высоком статусе.

Наиболее известным лидером эсеров был В.М. Чернов, теоретик партии, что проявлялось в обращениях к нему: «Дорогой учитель и товарищ!»⁴ Кутаисская же губернская организация слала привет «теоретическому вождю»⁵. Многие активисты партии именовали себя «учениками» Чернова⁶.

Вступление Чернова во Временное правительство в качестве министра земледелия в мае вызвало волну приветствий в адрес «селянского министра». Лидер эсеров именовался «вождем», иногда его сравнивали с кормчим, направляющим корабль державы к долгожданной пристани⁷.

Приветственные послания именовали также Чернова «идейным вождем», «учителем и руководителем», «духовным вождем и учителем», «вождем социализма», «вождем, гордостью партии»⁸. Статус теоретика, «учителя» был важен для описания вождя.

Некоторые резолюции адресовались не одному Чернову, но и другим министрам, прежде всего А.Ф. Керенскому. Так, саратовский губернский съезд эсеров приветствовал «товарищей граждан Керенского, Чернова, как ответственных вождей своей партии, взявших на себя высокую обязанность спасения родины в тяжелую минуту внешних испытаний, опасности анархии внутри»⁹.

¹ Русский инвалид. 1917. 27, 28, 30 июня.

² Дело народа [Пг.]. 1917. 11 августа.

³ Цит. по: *Френкин М.С.* Революционное движение на Румынском фронте. 1917 г. — 1918 г. Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. С. 132.

⁴ Дело народа. 1917. 9 мая; Земля и воля [Пг.]. 1917. 10 мая.

⁵ Дело народа. 1917. 30 апреля.

⁶ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3 т. Т. 3. Ч. 1: Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 212, 225.

⁷ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 5.

⁸ Там же. Л. 4, 6, 7, 17, 25, 50.

⁹ Там же. Л. 56.